



В память о Джессике Каплан —  
всегда и навечно моей деревенской девчонке

Сначала Холод —  
затем Ступор — затем Освобождение  
— Эмили Дикинсон



*Черный.*

*Он всегда был любимым цветом Тессы. И вовсе не потому, что влиятельные люди считали черный по умолчанию модным цветом для богатых и знаменитых. И уж точно не потому, что тупоголовые модницы постоянно задавали пресловутый вопрос: серый — это новый черный, белый — это новый черный, черт возьми, пурпурный — это новый черный?*

*Нет, Тесса любила черный, потому что он олицетворял отсутствие. Отсутствие цвета, отсутствие света и отсутствие формы. Проще говоря, черный цвет не привлекал к себе внимания. Он был невидим. А это всегда было важным желанием в жизни Тессы: оставаться невидимой. Но чернота, окружающая Тессу прямо сейчас, не была невидимой. Это был черный присутствия.*

*Где же она была? Последним ее воспоминанием было то, как она выходила из городского автобуса. Шел дождь, и без зонта, который смог бы защитить ее от ливня, Тесса промокла насквозь после своей безумной пробежки к дому Скайлара. Завернув за угол, она увидела его джип, выезжающий задним ходом с парковки, красные задние фары которого мерцали сквозь стену дождя. А затем...*

*...в один миг...*

*...темнота...*

*Тесса, дезориентированная окутавшей ее пустотой, почувствовала внезапный приступ страха.*

*Она плыла по течению в космосе, одна, без звезд, которые указывали бы ей путь.*

*Где она могла быть? И что еще более важно, где был Скайлар?*

*— Я здесь, — сказал Скайлар.*

*Это было странно. Тесса не произнесла ни слова, но Скайлар все равно ответил ей. Еще более странно: она не могла видеть Скайлара, но чувствовала его присутствие, дрейфующее рядом с ней в этой странной черноте без начала и конца.*

*Во всем этом было что-то странное. Лучшим предположением Тессы было то, что она спит. Это был один сильно запутанный сон, но, как и большинство из них, к моменту чистки зубов на следующее утро, она бы совсем забыла об этом безумии.*

*В этот момент черноту пронзила точка белого света. Но это был не обычный свет. Он был сияющим и очищающим, как тысяча солнц сжатой любви, убаюкивал ее, манил последовать за ним. Тесса никогда по-настоящему не интересовалась наркотиками, но если это то, что значит быть под кайфом, она была готова пересмотреть свое отношение.*

*«Боже, это прекрасно, — сказал Скайлар. — Давай подойдем поближе».*

*В этом весь Скайлар. Всегда мчался навстречу неизвестному, а не прочь от него. Когда Скайлар был рядом, Тесса чувствовала, что ничего плохого не может случиться, потому что ничего плохого никогда не происходило. Поэтому она направила себя к свету вместе с ним. И именно тогда она начала видеть очертания. Сначала они были нечеткими и бесформенными. Но по мере того, как она подплывала ближе, точка света становилась все больше и ярче, и она увидела полупрозрачные очертания своей бабушки Пэт. Только не той,*

которая страдала в постели в последние дни своей жизни. Освещенная, как рок-звезда, бабушка Пэт теперь была молодой и энергичной.

— Дядя Энди! — закричал Скайлар.

— Нет, — сказала Тесса. «Это моя бабушка Пэт».

Каким-то образом они видели разных умерших родственников. Как это было возможно?

— Ты слышишь их? — спросил Скайлар.

— Слышу кого?

— Они говорят...

Последовала долгая пауза. И Тесса внезапно почувствовала, что что-то было ужасно неправильно.

— Тесса, они говорят... тебе нужно вернуться.

— Что значит вернуться? Вернуться куда?

Теперь в голосе Скайлара звучало болезненное сожаление. «Они говорят, что так и должно быть. Что твое время еще не пришло».

А потом что-то овладело Тессой. Сила. Она начала отдалять Тессу от Скайлара.

— Скайлар, подожди! — закричала она.

— Мне жаль, Тесс. Я люблю тебя.

Все начало исчезать в быстро движущемся размытом тумане. Тесса кричала и пыталась остаться, но белый свет становился все дальше и тусклее, как умирающая звезда в далекой галактике...

Мерцание...

...мерцание...

...конец.



## ЗА ДВЕСТИ ОДИННАДЦАТЬ ДНЕЙ ДО

Тесса почувствовала, что идет снег еще до того, как открыла глаза. Это был интенсивный, яркий свет, проникающий сквозь веки, побуждающий ее прийти в сознание. Когда она наконец проснулась, первое, что увидела, был свет, отражающийся от ее «Стены вдохновения». Это был коллаж из слов и фотографий на потолке, который служил только одной цели: заставить Тессу чувствовать себя лучше. Там были цитаты («БЕРЕГИ СВОЙ ПУЗЫРЬ»), обыденные напоминания («ВЫХОДИ ИЗ ИНТЕРНЕТА!»), художественные черно-белые фотографии (Роберт Франк, «Залитые дождем улицы Парижа» Брассаи) и даже несколько набросков, которые Тесса нарисовала до того, как обнаружила, что ее истинный талант заключается в фотографии.

Большинство семнадцатилетних подростков радовались бы при виде всей этой пушистой белизны снаружи — это означало, что занятия в школе отменяются. Но Тесса не была похожа на большинство семнадцатилетних. Для нее школа была единственным спасением от чужаков, с которыми она жила.

Много лет назад, один за другим, настоящие родители Тессы бесследно исчезли. За этим последовал поток приемных семей. Некоторые были лучше других, но большинство были ужасающими. Что касается Мела и Викки, они были последней бездетной парой, которая взяла ее к себе. Теперь, спустя год совместного проживания, они, несомненно, казались лучшими из всех. Но даже несмотря на то, что они недавно подписали документы об удочерении, Тесса все еще не могла полностью принять их. Это потребовало бы ее доверия, которое было сложно заслужить.

Тесса накинула на себя одежду и схватила свою винтажную камеру Minolta, ту самую, которая никогда не была от нее дальше, чем на расстоянии вытянутой руки. Она была на полпути вниз по лестнице, когда почувствовала сладкий аромат, доносящийся из кухни. Это означало, что Викки работала в ночную смену и готовила себе завтрак. Тесса была полна решимости пройти мимо кухни бесшумно, чтобы ее не увидели и не услышали, но, очевидно, у Викки были бионические уши.

— Я испекла оладушки, — крикнула Викки.

Тесса проигнорировала ее и продолжила свой путь по коридору. Она потянулась к шкафу в прихожей и схватила пуховик. Викки подошла ко входу на кухню, все еще в униформе крупье, ее блестящий темно-бордовый жилет плотно обтягивал тело.

— Ты куда-то идешь? — спросила она.

— Выйду сделать несколько фотографий, — сказала Тесса, просовывая руки в рукава куртки.

— Сейчас? Еще же даже не расчистили улицы.

Тесса открыла входную дверь. «Не хочу упустить утренний свет».

— Может быть, когда вернешься, посмотрим колледжи вместе?



— Зачем? Ты хочешь вернуться обратно в школу? — с сарказмом спросила Тесса.

— Отнесись к этому серьезно, Тесса. Никогда не бывает слишком рано для того, чтобы начинать подавать заявки на получение стипендии. У тебя большой потенциал — я не хочу смотреть, как ты выбрасываешь свое будущее на ветер.

Что такого было в Викки, что так сильно беспокоило Тессу? Было ли это удушающим дружелюбием? Смущающее отчаяние в попытке создать связь как между матерью и дочерью? Может быть, это было просто что-то химическое — вроде того, как собаки иногда бросались друг на друга без видимой причины. К счастью, Тесса обнаружила, что не пересекаться с Викки по возвращении домой было самым быстрым способом отбиться от ее любезностей.

— Викки, ты звучишь как магнит для холодильника.

Викки вздохнула и молча удалилась обратно на кухню. Тесса почувствовала проблеск вины, но не столь сильный, чтобы извиниться.

Снаружи воздух был свежим и неподвижным, небо заливал бледный свет. Тесса пошла бродить по заброшенным улицам Маргейта<sup>1</sup>, крошечного приморского городка, в котором она жила. Все, что существовало для Тессы кроме ее айфона, воспроизводящего любимый инди-плейлист, и камеры в руках, это прямоугольный мир внутри видеоискателя.

Она сделала десятки снимков, но особенно ее очаровали машины на парковках, погребенные под сугробами в форме песчаных дюн. Это выглядело так, словно Мать-природа пыталась стереть своих врагов с лица планеты.

---

<sup>1</sup> Город в округе Атлантик, Нью-Джерси.

Она все шла по снегу по щиколотку, пока не добралась до пляжа на Дуглас-авеню. Здесь было туманно, песок был покрыт нетронутым белым ковром. Тесса чувствовала себя астронавтом на чужой планете, каждый ее шаг нарушал нетронутое совершенство пейзажа. Куда бы Тесса ни посмотрела, она видела что-то, что хотелось сфотографировать. Пенистые, покрытые белыми шапками волны. Обшарпанный непогодой пирс, выступающий в океане. И одинокая спасательная вышка, наполовину утонувшая в сугробе.

Вдалеке, у береговой линии Тесса заметила одинокую фигуру, материализовавшуюся из пелены тумана, похожую на призрак утонувшего моряка, бродившего по пляжу. Все, что она смогла разглядеть, — это ярко-оранжевая бейсболка, выделявшаяся на фоне серого цвета. Этот отважный человек, как и она, рассматривал пустынный пляж как приглашение отстраниться от мира. Она успела сделать единственную фотографию фигуры в оранжевой бейсболке, прежде чем ее поглотил туман.

Впервые за это утро Тесса почувствовала дискомфорт. Пальцы ее ног промокли и замерли. Она посмотрела вниз и поняла, что забыла надеть зимние ботинки. Внезапное открытие привело к осознанию, ее ногам может грозить риск обморожения. К этому моменту она была в тридцати минутах ходьбы от дома. А улицы все еще не были расчищены, так что о звонке Мелу с просьбой забрать ее, не могло быть и речи. Может быть, что-нибудь в городе открыто? Кафе или закусочная. Любое место, где можно погреться.

Когда Тесса добралась до Вентнор-авеню, все вокруг казалось безжизненным. Квартал за кварталом она шла в поисках магазина, который спас бы ее от холода. Ее ноги начали неметь — плохой знак. Ее последней на-

деждой был городской кинотеатр. Она знала, что Шерман, владелец, жил в комнате, примыкающей к проекционной будке, так что ему не нужно было ездить на работу. Шаг рискованный, но, ради спасения пальцев на ногах, Тесса ринулась вперед, навстречу холодному порыву ветра.

Каждый раз, когда Тесса видела Маленький Художественный Кинотеатр, она задавалась вопросом, как он продолжал работать. В нем было всего пятьдесят мест, и большинство из них были бугристыми, с торчащими пружинами и изношенной тканью. И теперь, когда жена Шермана умерла, это была заботой исключительно одного человека. Шерман открывал кассу, продавал размокший попкорн и, когда понимал, что пора, включал старый гремящий кинопроектор. Несмотря на эти далеко не идеальные условия, Тесса полагала, что Шерман мог бы прилично зарабатывать себе на жизнь, если бы просто показывал последние инди-фильмы. Вместо этого он выбирал малоизвестные иностранные фильмы, в которых было много эротических сцен, и старые фильмы категории «Б» с участием актеров, о которых никто никогда не слышал. Как-то раз, в выходные, он показал знаменитые голливудские блокбастеры: «Говард-утка», «Поле битвы: Земля» и «Джон Картер» — три главных кинематографических «кошмара».

Когда Тесса завернула за угол, она вздохнула с облегчением, увидев Шермана, сидящего за билетной кассой и пересчитывающего выручку. Тесса даже не взглянула на афишу, чтобы выяснить, что показывают. Она подошла к окну и постучала в него.

— Вы открыты, Шерман?

Шерман поднял глаза и улыбнулся. Он хорошо знал Тессу, потому что она была его частым гостем. «Для тебя

всегда», — сказал он, нажимая кнопку. Автомат под ним выплюнул билет, который он просунул в отверстие в нижней части окна. Тесса вытащила из кармана пригоршню мятых купюр и пересчитала их.

— Извините, кажется, немного не хватает, — сказала Тесса.

— Ничего страшного. Во мне всего пять футов шесть дюймов.

Тесса улыбнулась.

— Я имела в виду, что не хватает денег.

Шерман забрал билет и разорвал его пополам, затем сунул оставшийся корешок под окошко кассы. «Приятного просмотра, Тесса».

В затхлом кинотеатре было достаточно тепло и пахло подгоревшим попкорном. Тесса заняла место в центральном ряду и сняла куртку. Лучшая часть всего этого? Она была одна. Это было похоже на ее собственный кинозал.

Как только свет погас, дверь в задней части кинозала распахнулась. Треугольник янтарного света расширился по полу, поплыл вверх по стенам. Тесса увидела, как вошел человек, и его тень проплыла по грязному киноэкрану. Обычно реакцией Тессы на компанию в такой ситуации было бы разочарование. Когда у нее было сомнительное настроение, она предпочитала оставаться одна. Но каким-то образом она почувствовала, что тот, кто вошел в театр, был дружелюбен. Незнакомец нашел место через два ряда позади нее и сел.

Внимание Тессы переключилось на вступительные титры. Все они были на французском, даже название фильма, так что она понятия не имела, как называется фильм. Первая сцена была смелой: обнаженные мужчина и женщина, яростно занимающиеся любовью на кровати. Тесса слышала слова диктора поверх изобраа-

жения. Но, как ни странно, когда она посмотрела в нижнюю часть экрана в поисках субтитров, она там ничего не увидела.

В следующей сцене та же пара резвилась на террасе уютной пляжной хижины, прижимаясь друг к другу и целуясь. Но все равно, никаких субтитров.

Она должна была признать — Шерман наконец превзошел самого себя. Он показывал не только фильмы, которые никто не хотел смотреть; он показывал фильмы, которые никто не мог понять!

Тесса крикнула в сторону проекционной будки:

— Шерман, а куда делись субтитры?

В этот момент Тесса услышала, как незнакомец позади нее встал. Она предположила, что он собрался выйти из зала и пожаловаться Шерману. Вместо этого человек прошел по проходу и свернул в ряд Тессы.

Он был примерно того же возраста, что и она, и в кинотеатре было достаточно света, чтобы разглядеть лохматую копну его каштановых волос и высокую, жилистую фигуру. Он сел рядом с ней, и его запах мгновенно окутал ее. Древесный и сладкий, он воплощал собой идеальное сочетание гостеприимства и неуловимости.

Несмотря на его доброжелательное присутствие, Тесса не могла игнорировать тот факт, что этот мальчик был незнакомцем. Хуже того, она была с ним совершенно наедине. Это означало, что никто не пришел бы ей на помощь, если бы он планировал сделать что-то жуткое, например, показать свои интимные места.

*Тебе нужно встать, Тесс. Тебе нужно встать прямо сейчас и уйти. И что бы ты ни делала, не оглядывайся назад, иначе он не так все поймет.*

Руки Тессы сжали мягкие подлокотники, и она наклонилась вперед, готовая сорваться с места. Но прежде чем она смогла встать, мальчик заговорил.

— Фильм называется «*Бетти Блю*»<sup>2</sup>, — сказал он. — Ты смотри, а я буду переводить.

Он сказал это по-доброму, но почему это прозвучало как приказ? Тесса увидела, как он повернул голову к экрану. Затем, не теряя ни секунды, он начал шептать диалог уголком рта, без особых усилий переводя фильм с французского на английский.

Что ж, это все решило. Если она сейчас уйдет, это будет выглядеть грубо. Нет, более чем грубо — это будет все равно, что послать вселенную ко всем чертям. Незнакомец великодушно предложил ей помощь, а она просто собиралась отшить его? Конечно, она не была экспертом по психопатам, но сколько из них пахли так вкусно, что вам хотелось откусить от них кусочек?

Первые полчаса Тесса вообще не могла сосредоточиться на фильме. Она слишком остро ощущала тепло его дыхания на своей шее и то, как он произносил определенные слова. Она попыталась угадать, откуда он родом. Был ли у него акцент жителя Нью-Джерси? Нью-Йорка? Со временем это уже не имело значения, потому что его голос начал сливаться с фильмом. И вскоре Тесса обнаружила, что полностью погрузилась в историю, которая разворачивалась перед ней.

Фильм был рассказом о любовном наваждении. Бетти, красивая бродяжка, соблазняет Зорга, незадачливо-го разнорабочего, который живет в ветхой пляжной хижине. По мере того, как их любовь развивается, усиливаются и приступы саморазрушительной ярости Бетти. Обнаружив, что она ошибалась насчет беременности, Бетти садистски выколола себе глаз и оказалась в пси-

---

<sup>2</sup> Основное название фильма — «Тридцать семь и два по утрам».

хиатрической больнице в кататоническом<sup>3</sup> состоянии. В заключительной любовной сцене Зорг душит Бетти подушкой, подводя историю к подобающему французскому завершению.

Почти через три часа после начала фильма пошли титры. Тесса посмотрела вниз и заметила, что ее пальцы сжимают руку переводчика.

— Боже! Прости! — сказала Тесса, резко ослабляя хватку. — Долго я так сидела?

— Не знаю, — ответил мальчик. — Рука онемела где-то час назад.

Она чувствовала себя безнадежно смущенной.

— Почему ты ничего не сказал?

— Не знаю, я просто предположил, что ты успокаиваешь меня. Это очень грустный фильм.

— Это история любви, — сказала Тесса как ни в чем не бывало.

Он нахмурился: — Да, но ведь *не все* истории любви грустные.

— Хорошие точно.

Увидев, что он засомневался, Тесса решила доказать свою точку зрения: — «Ромео и Джульетта», «Анна Каренина», «Грозовой перевал», «Английский пациент». Список можно продолжать бесконечно. Именно окончание отношений — их распад — всегда делает историю любви запоминающейся.

— А «Гордость и предубеждение»? Или «Джейн Эйр»? Они хорошо закончились, — сказал он.

---

<sup>3</sup> Кататония — комплекс психомоторных и вегетативных нарушений, при котором может наблюдаться ступор, «застывание» в одной позе, полное отсутствие речи или бессмысленное повторение слов и действий, гримасничанье и другие симптомы. Возникает на фоне психических, неврологических и других заболеваний.